

Первые дни продаж всё же не обходились без остатков — какая-никакая, а потеря. Потому Тан Шоу поначалу продолжал платить братьям Сюн по пять вэнь в день каждому. Но спустя несколько дней дела наладились: братья втянулись, научились грамотно торговать, и к тому же сладости полюбились жителям Юйлина. У них появилось постоянное качество, узнаваемый вкус и имя. Тогда Тан Шоу официально перешёл к модели равного раздела прибыли: каждый день по двадцать вэнь братьям и столько же ему самому. Братья от такой новости были просто в восторге.

— Старший брат, ты подумай только, — с сияющим лицом говорил Сюн Чжу. — Кто бы мог подумать, что второй брат найдёт себе такого фулана — прямо золотого! У невестки такие руки — да это не на день-два, это на годы! Он же всё лучше и лучше готовит, вот увидишь, как имя себе сделает в Юйлине — и нам перепадёт!

Сюн Тэ добродушно кивнул:

— Ага. Вон у Ло У дома с тех пор, как они тофу делать научились, с детства живут лучше нас.

Сюн Чжу фыркнул:

— Ха, богатство! Да у них и денег толком нет, разве что получше нас. У старшей невестки в родне — у Чжао, — вот там по-настоящему дом зажиточный. У них мясо на столе — не праздник, а обыденность. Нам бы хоть раз в неделю так — уже за счастье.

Для Сюн Тэ и дом Ло У казался вполне благополучным, а семья Чжао — и вовсе недостижимой зажиточностью. То, что их семья теперь могла понемногу подниматься, казалось почти чудом.

— А теперь, старший брат, подумай только, — снова заговорил Сюн Чжу, сверкая глазами, — Двадцать вэнь в день! Это же не разовая подработка, это дело на долгие годы. Если так пойдёт и дальше, дома у нас скоро всё наладится.

— Ага, — с теплом в голосе подтвердил Сюн Тэ, — дома уж точно голодными не будем.

Довольные братья бодрым шагом вышли из дома Сюн Чжуаншаня, неся коромысло с новой партией сладостей.

В последние дни они выходили всё раньше — чуть только небо начинало сереть. Если бы Тан Шоу вставал пораньше, они бы и вовсе уходили до рассвета. На этот раз утро было ещё тёмное, морозное, а впереди, у дороги, маячила неясная фигура. Человек явно нервничал — топтался, ходил туда-сюда, всё оглядывался.

— Кто это там, а? — удивился Сюн Чжу. — Кто это в такую стужу и в такую рань вылез?

— Сюн Тэ, Сюн Чжу, это я... Цай Сюэ, — из темноты раздался неловкий голос.

Подойдя ближе, братья наконец разглядели, кто перед ними. Сюн Чжу вздрогнул, сощурился, и сразу понял, что Цай Сюэ здесь не просто так. В такую стужу и в такую рань никто просто так по деревне не слоняется — явно пришёл с делом.

Сюн Тэ же был прямой, без всех этих хитростей младшего брата, и сразу спросил в лоб:

— Что ты тут с утра пораньше? Что-то случилось дома? Или по делу?

На лице Цай Сюэ появилось выражение стеснённой неловкости. Он переминался с ноги на ногу, словно не знал, как подобрать слова, и заговорил с запинками:

— Я... это... слышал, у вас с братом последнее время дела хорошо пошли. Говорят, сладости все до последней продаёте...

Сюн Тэ кивнул с радостью — не скрывая своего довольства, с улыбкой ответил:

— Ещё бы! А ты не знаешь, как я поначалу переживал — такая дорогая еда, думал, ну кто ж купит? За один вэнь — всего крошечный кусочек, на один зуб, и сытым не станешь, как от соли или сахара. Сначала, правда, с трудом шло, а потом пошло-поехало! Да ты бы видел — одна барышня за раз купила семнадцать штук! Я даже сам ей одну вдобавок дал, но всё равно заработал!

Сюн Чжу тем временем всё это время отчаянно косил глазами на брата, подавая ему знаки — хватит болтать!, но было темно, Сюн Тэ увлёкся и ничего не замечал. Только когда Сюн Чжу тихонько пихнул его локтем в бок, Сюнь Тэ осёкся и смолк.

Цай Сюэ стал ещё более неловким, но, подумав о скудных доходах дома, всё же пересилил себя и выговорил:

— Это... Я вот подумал, вам ведь тяжело вдвоём, каждый день так рано вставать, в такую стужу... Может, вам не помешал бы третий человек? Чтобы разделить нагрузку, полегче бы стало...

Сюн Тэ был хоть и простодушный, но не глупый. Он уже понял, к чему ведёт Цай Сюэ — тот явно пришёл не помогать, а влезть в дело. Прибыль у них одна — двадцать вэнь, и сейчас они делят её пополам. Если появится третий — придётся делить на троих. То есть этот Цай Сюэ, без всякой родни, без обязательств, придёт и заберёт часть их заработка? Просто так? Да это всё равно, что рукой залезть им в карман и вытащить монеты!

Нет уж, подумал Сюн Тэ, не нужно нам такое родство.

Лицо Сюн Тэ стало мрачным. Он был простым, но честным человеком, и прямо сейчас чувствовал: ему как будто пытаются в глаза улыбнуться, а за спиной в карман залезть. Цай

Сюэ тоже побледнел, понимая, что натянутая до предела тишина между ними вот-вот лопнет.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, он поспешно заговорил, сбивчиво и почти оправдываясь:

— Я... я ведь только потому и пришёл, что вам тяжело. Хотел помочь. Мне и не надо много, ну... вон, два-три вэнь в день — мне бы и этого хватило...

Но даже он сам, сказав это, почувствовал, как воздух между ними стал хрупким, будто на пределе — одно неловкое слово, и всё рухнет. Он сам понимал: перегнул. В деревне каждый вэнь — на вес золота, каждый день труда — как капля в колодце. А тут два человека честно зарабатывают, могут получить по десяти вэнь на руки, а он хочет взять часть просто потому, что тоже хочет?

Цай Сюэ виновато опустил глаза и, понурившись, сник:

— Ладно... я просто спросил. И сам особо не надеялся. — он глубоко вздохнул и наконец выговорил правду: — Просто... у нас дома зерна почти не осталось. Сами знаете, жена опять забеременела. Скоро ещё один родится. А дома — еды нет. У нас, в Синьхуа и без того с урожаем плохо — земля-то бедная.

О том, как живёт семья Цай, Сюн Тэ и Сюн Чжу знали. Семь сыновей в доме, трое уже женаты, да ещё шесть внуков подрастают. А теперь жена Цай Сюэ снова ждёт ребёнка — седьмого внука в доме. Вся деревня знала: этой беременности в семье совсем не рады. Народу и так — пруд пруди, а пацаны по достижении возраста начинают есть как волки. С таким-то куском земли — где уж всех прокормить...

Сюн Тэ стоял молча, не зная, что сказать. Вроде бы — жалко. А вроде бы — и своё жалко не меньше.

Но в такое время, как сейчас, у кого в деревне жизнь лёгкая? У семьи Сюн и самих не густо. Сюн Тэ и Сюн Чжу с детства и близко не знали, что такое "наесться досыта". Даже сейчас, когда чуть-чуть пошёл доход, они по-прежнему экономили на всём.

Сюн Чжу, хоть и не собирался пускать Цай Сюэ в своё дело, всё же не хотел и совсем портить с ним отношения. Осторожно, но твёрдо сказал:

— Прости, правда, не потому что не хотим помочь. Ты и сам знаешь, у нас в доме тоже не сахар. Из-за женитьбы старшего брата мы до сих пор должны семье Ло серебра — уже два года прошло, а вернуть никак не можем. Мы с братом... ну, устаём, да, но это ещё ничего. Главное — поскорее долг отдать.

Эти слова Цай Сюэ воспринял как тяжёлую, но справедливую правду. Да и сам понимал, что сильно перегнул, совесть грызла. Он опустил голову, не говоря больше ни слова, и понуро

поплёлся домой.

Когда братья вышли за пределы деревни и ступили на большую дорогу, Сюн Тэ, всё ещё хмурясь, наконец заговорил:

— Вот уж не пойму, о чём Цай Сюэ думал? Как у него язык повернулся просить такое? Да он ведь по сути прямо в лицо сказал — дайте мне ваших денег.

Сюн Чжу кивнул, голос у него был твёрдый:

— Старший брат, давай просто в следующий раз, если увидим его — обходить стороной. Это ведь не мелочь, а дело всей нашей семьи. Речь идёт о еде, о жизни. Нельзя из вежливости давать кому-то просто так влезть и забрать кусок.

Сюн Тэ тяжело вздохнул:

— Я и сам это понимаю. Вот посмотри на семью Ло. Их бизнес по производству тофу почему процветает — потому что они ни за что никому не выдают рецепт. У них — единственный в деревне товар, такого больше ни у кого нет. Вот потому у них и покупают.

— Вот именно, — с серьёзным видом подтвердил Сюн Тэ.

Покончив с этим, братья снова с радостью пошли в город торговать. Теперь, когда сладости получили хорошую репутацию, дела шли всё лучше — не успевало и стемнеть, как они уже возвращались с пустыми корзинами.

С тех пор, как они в первый раз попробовали еду у Сюн Чжуаншаня, больше за ужином у него не оставались — между братьями всё же лежал тонкий, невыговоренный узел, и Тан Шоу это понимал, потому не настаивал.

Когда Сюн Чжу получил свою часть выручки и уже собирался уходить, Сюн Тэ вдруг замешкался, подумал и решился рассказать о встрече с Цай Сюэ.

— Невестка, просто будь настороже. У этого Цай Сюэ что-то на уме. Думаю, раз ты у нас, он напрямую к тебе не подойдёт — всё же боится второго брата. А вот меня с третьим братом попытается угваривать. Ты с ним поменьше пересекайся.

Тан Шоу вместо того, чтобы нахмуриться, неожиданно засмеялся:

— Да это же наоборот хорошо! Не только не нужно избегать, я бы хотел, чтобы все из деревни Синьхуа пришли и захотели с нами работать!

— А? — опешил Сюн Тэ. — Разве это хорошо? У Ло, например, вся прибыль с тофу как раз потому, что он один этим занимается. Стоит появиться второй лавке — всё, половина клиентов уйдёт.

— Вот именно тут ты и ошибаешься, старший брат, — мягко объяснил Тан Шоу. — Мы с семьёй Ло в разном положении. Тофу — это ремесло, и в Юйлине есть лавки, которые делают не хуже, а может, и лучше, чем у Ло. Ло просто продаёт по деревням, потому и держится. Если у нас появится ещё один, кто будет делать то же — он отберёт у него клиентов. Но у нас совсем другое: наши пироги в деревне почти никто не покупает — дорого, жалко тратить. Наши основные покупатели — горожане. А Юйлинь большой, вы с третьим братом вдвоём не охватите весь рынок. Если кто-то из деревни тоже будет выносить товар — это не конкуренция, это расширение торговли. Чем больше точек, тем больше охват. Сегодня — Юйлинь, завтра — соседний город, потом — другие деревни. Это уже настоящее дело.

Сюн Тэ почесал затылок. Слова про рынки, охват и расширение он понимал с трудом. У него в голове крепко засел крестьянский принцип: есть у тебя мастерство — держи его крепче, сам и продавай. Только тогда и заработаешь.

А вот Сюн Чжу — он хоть и не мог всё осознать до конца, но чувствовал: в словах Тан Шоу есть зерно. Будто что-то зазвенело в голове — ещё не сформировавшееся понимание, но где-то на границе.

— Смотри, — терпеливо продолжал Тан Шоу, — сейчас вы с братом продаёте по пять цзиней в день. А если Цай Сюэ подключится и, скажем, сможет продать ещё один цзинь, а может и больше? Разве это не будет дополнительной прибылью?

Сюн Тэ тут же, упрямо, не раздумывая:

— Мы с третьим братом и сами можем брать больше, хоть завтра — шесть, хоть семь цзиней!

— А если с ним вместе — можно и восемь, и девять, — усмехнулся Тан Шоу. Понимая, что его логика не доходит до братьев, он только беззлобно покачал головой и с лёгкой иронией добавил: — Ну и ладно. Вы всё равно, как выйдете, скажите Цай Сюэ, что если хочет продавать сладости — милости просим, пусть приходит и берёт товар. Только без долгов. Тридцать штук — двадцать пять вэнь, цена фиксированная, как для кого угодно. Хочет — платит деньгами, нет — пусть несёт муку из клейкого риса, мёд или сахар. Всё пойдёт в счёт.

Сюн Тэ по-прежнему считал всё это сомнительным, и, не зная, что сказать, с надеждой взглянул на Сюн Чжуаншаня.

— Это решение моего фулана, — спокойно сказал тот. — Всё, что касается торговли, решает он. Как скажет — так и будет. Завтра скажите Цай Сюэ: хочешь продавать — приходи с деньгами или товаром. Без расписки — ничего не получит.

Раз уж сам Сюн Чжуаншань сказал своё слово, братьям спорить не приходилось. Проходя мимо дома Цай, они зашли и передали, что невестка разрешает ему брать товар, но только за плату — никто никого нанимать не будет. Всё честно и открыто: хочешь — покупай и иди продавай.

Хотя предложение отличалось от того, на что рассчитывал Цай Сюэ, он был рад до безумия — кланялся, благодарил, чуть ли не руки готов был целовать, будто братья Сюн — не иначе как его спасители.

Вернувшись домой, Сюн Тэ не удержался и рассказал обо всём матери. Та вспыхнула от злости, всю ночь не могла уснуть, ворчала, что Тан Шоу "выдумывает ерунду", мол, «хозяйничает не по-людски». Но вмешаться в дела второго сына она всё же не осмелилась — каждый теперь сам в доме за себя, и спорить с уже решённым ей не позволял ни порядок, ни страх.

Цай Сюэ, как и ожидалось, денег принести не мог — в доме и так нищета. Вместо этого он принёс три шэна муки из клейкого риса, и обменял их на один цзинь готовых сладостей. На первый взгляд — немало. Хотя из одного шэна муки можно было бы приготовить и три с лишним цзиня сладостей, но ведь в изготовлении дело не только в муке — сахар, мёд, молоко — вот где настоящая цена. Особенно мёд и молоко — вещи редкие и дорогие. Даже эти три шэна муки, между прочим, Цай Сюэ выпросил не с первой попытки — уговаривал всю семью до поздней ночи, прежде чем получил согласие.

Когда он пришёл за товаром, страх перед Сюн Чжуаншанем был у него написан на лице — взгляд метался, словно он пришёл на чужое добро покушаться. В глубине души он и сам чувствовал, что поступает как-то нехорошо — будто действительно на халяву хочет влезть в чужую удачу. То, что говорил Тан Шоу о расширении торговли и взаимной выгоде, было для них, простых деревенских, ещё не до конца понятно. Они верили в одно: если в руках есть что-то стоящее, держи крепче, никому не показывай, не делись — вот тогда и заработаешь. Землю они умели пахать как следует, а вот до торговых тонкостей — не доходило. Словно туманом заволочло.

Цай Сюэ принёс с собой коробку для еды, и, глядя, как Тан Шоу аккуратно, с видимой любовью укладывает туда свежие, пышные, ароматные пироги — ровно, горкой, красиво, — у него в груди вдруг что-то дрогнуло, проснулась решимость. Казалось, силы вдруг прибавилось — он уже представлял, как пойдёт с этой коробкой по улицам.

Хотя братья Сюн Тэ и Сюн Чжу были недовольны его участием, всё же стали серьезно объяснять ему тонкости: как звать покупателей, как понять, кто пришёл действительно купить, а кто просто на халяву поглядеть, попробовать и уйти.

Когда все трое разошлись по Юйлиню и отправились торговать в разных направлениях, у Цай Сюэ даже половины дня не ушло — он продал всё подчистую. Вернувшись домой, вытащил из-за пазухи тридцать медных монет — и у всей семьи загорелись глаза.

— За один день — столько денег?! Муженёк, ущипни меня скорее, я точно не сплю?

— Это не сон, мама, это всё по-настоящему! — с сияющим лицом ответил Цай Сюэ.

Старая матушка Цай не стала терять ни секунды — развернулась и мигом пошла в кладовку. Вернулась с шести шэнами муки из клейкого риса.

— Быстро! Неси это невестке из семьи Сюн, сразу закажи на завтра пироги. И смотри, с умом себя веди! Что скажет — то делай, в рот ему смотри! Где можно помочь — помогай, не ленись. Ты теперь запомни: Сюн Чжуаншань и его фулан — это наши боги богатства, от них зависит, как мы эту зиму переживём. Не дай бог им не угодить.

Когда Цай Сюэ, пригнувшись под тяжестью мешка с мукой, вновь явился к дому Сюн Чжуаншаня, братья Сюн Тэ и Сюн Чжу как раз вернулись — и у них пироги были распроданы подчистую.

— Невестка, — подойдя, с затаённой надеждой проговорил Цай Сюэ, — можно ли мне завтра взять шестьдесят штук? — голос у него был робкий, почти извиняющийся, будто боялся, что Тан Шоу подумает, будто он слишком много себе позволяет.

Но Тан Шоу лишь тепло улыбнулся:

— Конечно можно. Не только шестьдесят — и больше дам, если надо. А если у тебя есть братья, родня или просто кто-то из соседей, кто хочет этим заняться — пусть приходят. Хотят — пусть покупают, не могут — пусть приносят муку, мёд или сахар. Мы договоримся.

Глаза Цай Сюэ тут же загорелись. Если бы он мог порекомендовать такое доходное дело своим родственникам, это было бы просто замечательно — ведь тогда те, кто раньше смотрел на его семью свысока, уж точно больше не посмеют её унижать.

Но... разве это не всё равно что делиться деньгами? Он никак не мог понять Тан Шоу. Ведь если продавать сладости самим, по одному вэнь за штуку, то можно заработать гораздо больше, а если продавать другим — прибыль ведь уменьшается. Разве это не значит просто так отдавать часть своих денег другим?

Крестьянские семьи, никогда не ведавшие торговли, часто не могли сразу понять, как работает такая схема. Тан Шоу и не собирался объяснять им всё до мелочей — достаточно, если обе стороны остаются в выигрыше.

Цай Сюэ всё ещё опасался: а вдруг Сюн Чжуаншань будет против? Он ведь человек с характером, а если кто и осмеливался воспользоваться им в чём-то, то потом долго думал, как удержать голову на плечах.

Однако Сюн Чжуаншань, несмотря на своё по-прежнему суровое, грозное выражение лица, ответил:

— Эти сладости делает мой фулан, и как вести с ними дело — решает он. Раз он сказал, что можно, значит, не бойся, приводи людей, я не стану мешать.

Глаза Цай Сюэ засверкали от счастья:

— Спасибо, второй брат! Я тогда сразу домой — расскажу семье! — добежав до порога, он вдруг вспомнил, что кое-что упустил, и поспешно обернулся: — И тебе спасибо, невестка!

Тан Шоу, усмехнувшись, покачал головой:

— Ладно, а вы двое на завтра сколько заказываете?

— Семь шэнов, — ответил Сюн Чжу. — Османтусовых сделай побольше — они особенно хорошо расходятся.

— Хорошо.

— Невестка, — вдруг озабоченно спросил Сюн Тэ, — а если людей станет много, это точно не навредит нашему делу?

— Нет. Напротив — дело только пойдёт в гору. Посмотри, с приходом Цай Сюэ мы стали продавать больше, а у вас с братом продаж меньше не стало.

— Верно, — кивнули братья.

— Тогда я скажу об этом четвёртой сестре. А то ей у свёкров нелегко, живут бедно, может, и для неё это дело будет шансом. Всё-таки она нам родня, будет хоть какая-то поддержка.

— Пусть приходит, — кивнул Тан Шоу.

<http://bllate.org/book/13592/1205341>